

А.Н. Николюкин

СЛУШАЯ ДАНТЕ

Аннотация

Данте понимают по-разному в России и в русском зарубежье, в прошлом и в настоящем. Роль книги Данте в жизни человека.

Ключевые слова: итальянская литература в России, литература русского зарубежья, Данте и Россия.

Nikolyukin A.N. Listening to Dante

Summary. Dante is considered differently by the Russian writers and the Russian émigré. The significance of “Commedia” for the common man.

В детстве я неожиданно стал обладателем удивительных трех томов «Божественной комедии» Данте. То были «Ад», «Чистилище» и «Рай» с картинками Густава Дорэ (в переводах Д. Минаева, как я узнал позднее) в огромных, как мне казалось тогда, шагреновых красных переплетах с золотым тиснением. Случилось это когда немцы захватили Воронеж; я с родителями жил в университете. В развалинах университетской библиотеки, куда попала бомба и где на полу были разбросаны инкунабулы Дерптского университета (библиотека которого была в 1918 г. перевезена в Воронеж), я обнаружил эти великолепные три тома. Целыми днями я перелистывал рисунки Дорэ, но читать не было времени.

Это сокровище я поместил в библиотеку моего деда (погибшего еще в 1918 г. после захвата власти большевиками), которая оказалась в моем владении самым странным образом. В 1936 г. страна стала готовиться к празднованию 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина, которое должно было наступить 10 февраля 1937 г.

Я, мальчишкой, воспринял это по-своему. Стал вырезать из календарей, газет, журналов и даже книг портреты писателей, от Пушкина и Толстого до Шекспира и Данте, имена которых были мне знакомы, и наклеивать их в особую тетрадку, чтобы «увекочить». В двух шкафах библиотеки деда я обнаружил «Голубую книгу», где и текст, и портреты писателей, сопровождавшие текст, – всё было голубого цвета. Это мне понравилось, и, недолго думая, я вырезал все портреты и наклеил в свою тетрадь. Родители мною особенно не занимались, я вел «вольную» жизнь, но тут как-то отец заметил голубые портреты в моей тетрадке (книга была времен его детства, и он, возможно, вспомнил голубые картинки). Мне был учинен строгий допрос, я ожидал сурового наказания, как случалось прежде. «Голубая книга» с вырезанными портретами лежала на столе и имела жалкий вид... Но отец поступил иначе. Он, совершенно неожиданно для меня, объявил, что вся дедовская библиотека передается в мою собственность. И оказался прав: из своих собственных книг я никогда больше не вырезал портретов. С тех пор дедовская библиотека стала центром моей жизни.

Но вернемся к Данте. У меня слабое зрение, и последние годы стало трудно читать. Поэтому я включил аудиокнигу в компьютере и прослушал в течение недели все три части «Комедии» в чтении В. Самойлова. Перевод М. Лозинского я держал под рукой и в сложных местах отключал запись и сверял с текстом книги.

Когда-то иллюстрации Дорэ к книге Данте привлекали меня своей загадочностью, страшными картинами мук загробного мира. Тогда я не пытался читать, но листал и листал великолепные картинки. Видел изображение Франческа да Римини и Паоло, хотя смысл происходившего стал понятен мне много лет спустя, когда я узнал великие слова: «Нет большего мученья, как о поре счастливой вспоминать в несчастье».

Франческа да Римини – это единственное, что осталось у меня в памяти после чтения Данте на филологическом факультете Московского университета. И так было не у меня одного. «Мы ее не можем забыть, – писал о Франческе да Римини В.В. Розанов. – Вся Европа не может забыть, с тех пор как Данте написал о ней несколько строф. Ее никто не может забыть, и она незабвенна для целого человечества»¹.

И еще удивила меня физиологическая телесность страдания человеческих душ в аду: Цербер «мучит души, кожу с мясом рвет» [VI, 18]. Считалось, что души бесплотны, но в дантовском аду у них есть тело, мясо, кожа, волосы.

Переписав в тетрадь все книги библиотеки деда, я обнаружил, что в собраниях сочинений русских и иностранных писателей некоторые тома отсутствуют. Как ревностный хранитель библиотеки, я запомнил лакуны. И вот однажды, когда началась уже война 1941 г., зашел я в букинистический магазин и увидел там отсутствовавшую у меня 27-ю книжку Полного собрания сочинений Шеллера-Михайлова (был такой писатель, популярный среди русской интеллигенции начала века). Все остальные 50 книг этого издания (или 16 томов), приложения к журналу «Нива» за 1905 г. стояли в библиотеке деда. В энтузиазме книголюбца я побежал домой, чтобы попросить три рубля на покупку. По дороге я встретил отца. Он спокойно объяснил мне, что жить можно и без 27-го тома Шеллера-Михайлова; ни одного рассказа или романа я так и не прочитал в жизни. Летом 1942 г., когда в Воронеж пришли немцы, я читал «Мертвые души». И целая полка сочинений Шеллера-Михайлова, как и любимые красные тома-фолианты Данте, сгорели в пламени войны.

Не случайно имя Данте возникает во время войны. В год начала Первой мировой войны Д.С. Мережковский выпустил свою книгу «Данте», в предисловии к которой («Данте и мы») писал о своем восприятии великого поэта: «Жив Данте или умер для нас? Может быть, на этот вопрос вовсе еще не ответ вся его в веках немеркнущая слава, потому что подлинное существо таких людей, как он, измеряется не славой – отражением бытия, слишком часто обманчивым, – а самым бытием. Чтобы узнать, жив ли Данте для нас, мы должны судить о нем не по нашей, а его собственной мере. Высшая мера жизни для него – не созерцание, отражение бытия сущего, а действие, творение бытия нового. Этим он превосходит всех трех остальных, по силе созерцания равных ему художников слова: Гомера, Шекспира и Гёте. Данте не только отражает, как они, то, что есть, но и творит то, чего нет; не только совершает, но и действует. В этом смысле высшей точки поэзии (в первом и втором значении слова *poiein*: делать, действовать) достиг он один»².

Мережковский читал Данте в Италии и вычитал в нем символ всемирного изгнания как форму отрицания существующего миропорядка. Цель «Комедии» («Божественной» ее стали называть после смерти Данте) заключается, по словам ее автора, в том, чтобы вывести человека из состояния несчастного в этой жизни и привести его к состоянию блаженному.

Для Мережковского особенно знаменательно, что в юные годы Данте слышал о явлении Новой Церкви от учеников и последователей Иоахима Флорского. Утверждая Новую Церковь в Третьем Царстве Духа, Данте выступает против римской церкви изнутри, тогда как Лютер три века спустя выступил только снаружи. Пророческое дыхание «Комедии» идет от Иоахима Флоренского, который считал, что дни римской церкви сочтены.

Писатель Борис Зайцев, пытавшийся прозой перевести дантовский «Ад», воспринимал изгнание поэта как часть собственной судьбы, забросившей его за пределы России. «Великий поэт стал собратом нам, невеликим, по изгнанию. «Данте патрон всех изгнанников», – сказал в книге о нем Мережковский»³.

Читали Данте по-разному тогда в русском зарубежье и в России. Во время поездки в Италию В.В. Розанов слушал лекцию депутата парламента Дж. Сонино, ставшего вскоре главой правительства. «Сонино между политикой и экономикой занимается также Данте. Это, собственно, обычная итальянская слабость, в особенности флорентийская. И я тогда не мог еще вполне оценить и понять значение Данте вообще, а в особенности для Италии, и подсмеивался над экзальтированными “дантистами”. Мне трудно бывало дослушать до конца лекцию хотя бы самого знаменитого “дантиста” проф. Пио Райны о Данте. Но лекция “ярого реакционера” Сонино о Данте – это было уже слишком заманчиво! И я пошел слушать. “Magnaaula” флорентийского университета была переполнена. Студенты смотрели исподлобья и сердито на знаменитого лектора. Среди слушателей были также верхи общества, власти, масса иностранцев. На кафедру взошел высокий, худой господин лет пятидесяти, с ярко выраженным еврейским носом и с задумчивыми еврейскими глазами. Он читал одну из песней “Paradiso” из “Божественной комедии” и комментировал ее. И его речь – комментарий к песни Данте – была проста, изящна, умна и глубока»⁴.

Если для русского зарубежья Данте, его судьба, бегство из родной Флоренции имели преимущественно личностные параллели собственных судеб, то писавшие о Данте в России, оставшиеся в России, видели и другую сторону изгнанничества великого поэта. Анна Ахматова, написавшая в 1917 г. незабываемые строки любви к Родине:

*Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда,*

представила себе в стихотворении о Данте (1936), что бы стало с ней, послушай она «Голос», звавший ее прочь из России:

*Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою. –
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть.
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной.*

Русская эмиграция осознавала различие между собой и изгнанничеством Данте. Она читала плачи Данте и сравнивала с собой. Литературный критик Георгий Адамович в 1955 г. сопоставил историческую и экзистенциальную судьбу Данте и русской эмиграции. «Между бегством Данте из одного итальянского города в другой с сохранением того же жизненного уклада, с уверенностью, что политическое преследование не связано ни с какими коренными, окончательными переменами и изменениями, в те времена и немислимыми». Иное дело русские эмигранты из большевистской России. «Мы стоим на берегу океана, – продолжает Адамович, – в котором исчез материк, – и есть, вероятно, у всех эмигрантов чувство (во всяком случае, есть оно у представителей эмиграции старой, довоенной), что если бы даже домой мы еще

и вернулись, то прежнего своего «дома» не найдем, и пришлось бы нам по-новому ко всему присматриваться, и многому переучиваться»⁵.

При чтении «Ада» возник вопрос, на который я так и не смог найти достойного ответа. Чем дольше читаешь, тем больше гнетет душу бесконечный ужас, гной и зловоние. Вы уже целиком опутаны этим всем, и не существует ничего отрадного в жизни. Все мстят всем и за все. И делается это телесно, с реальным мясом и кожей. Даже сам Данте выдирает волосы у преступника [32, 103–104]. Есть ли еще в мировой литературе столь злосодержащее произведение?

Телесность насельников Дантова Ада наводит на мысль, что потому Данте и мог назвать свое сочинение «Комедией», что речь шла о человеческих телах. Едва ли бестелесные души могли бы составить «комедию» земного существования людей. Это подтверждает и известное письмо Данте к Кангранде делла Скала о смысле поэмы, где говорится о ее буквальности и аллегоричности.

Только земная жизнь имеет значение для потустороннего мира Данте. Ничего иного не было, нет и не будет, поскольку в вечности ничего нового не происходит. Остается только память о зле и добре. Кроме земной жизни ничего не существовало. В вечности отражение ее, не более.

Данте спасло то, утверждал поэт и философ Н.М. Минский в статье «От Данте к Блоку» (Современные Записки. Париж, 1921, № 7), что магия слова в поэме (даже в переводе) сопровождает славословие Данте, но высказанное другими, а сам он лишь смиренно вникает, сокрушенный своим величием. Уже в первом круге ада он встречает Гомера, Овидия, Горация, Лукиана, которые принимают его с свой круг шестым, считая Вергилия. От Гомера он узнает, что до него один только раз Некто уже спускался в ад. Такowo сопоставление себя с Христом, но сделанное не им, а другим. Вот что такое *exegi monumentum* по-дантовски.

Читая «Божественную комедию», не всякий доходит и воспринимает ее третью часть – «Рай». Существует даже мнение, что две последние части «Комедии» слабее первой – «Ада». Так, Розанов написал: «Великий странник и благороднейшая душа, благороднейшая в мире, Данте, начертал именно “Ад” центром всей поэмы. В ней тусклы около него “Чистилище” и “Рай”, в сущности

фальшивое и чистилище, и рай»⁶. Конечно, Данте с этим не мог согласиться. «Стихами моей “Комедии” клянусь», – сказал бы он в сердцах, потому что именно там, в последних частях, содержится немало дантовского сокровища. Вплоть до завершающего стиха «Рая»: «Любовь, что движет солнце и светила».

И последнее. «Божественная комедия» – это энциклопедия Древности и Средневековья. В русских переводах отсутствует указатель тех сотен и сотен имен, которые в ней фигурируют. Без этого ее трудно читать, с нею просто затруднительно работать тем, для кого она вошла в повседневную жизнь. А существуют и такие.

¹ Розанов В.В. Собр. соч. – М., 1997. – Т. 8. Когда начальство ушло... – С. 546.

² Мережковский Д.С. Собр. соч. Данте. Наполеон. – М., 2000. – С. 13–14.

³ Зайцев Б. Данте. Судьба // Возрождение. – Париж, 1965. – № 166. – С. 8.

⁴ Розанов В.В. Собр. соч. – М., 1994. – Т. 2. Мимолетное. – С. 260.

⁵ Адамович Г. Одиночество и свобода. – СПб., 2002. – С. 16.

⁶ Розанов В.В. Собр. соч. – М., 2000. – Т. 12. Апокалипсис нашего времени. – С. 196.